

10. Микушевич В.Б. Комментарии // Гофман Э.Т.А. Собр. соч. в 6 т. М., 1998. Т. 2.
11. Вайнштейн О.Б. «Истолкуйте мое наваждение» // Литературное обозрение. 1991. № 12.
12. Бонавентура. Ночные бдения. М., 1990.
13. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб., 2000.
14. Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь, 2002.
15. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
16. Вакенродер В.Г. Письмо Йозефа Берглингера // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1987.
17. Шеллинг Ф.В. Система трансцендентального идеализма // Соч. в 2-х т. М., 1987. Т. 1.
18. Гофман Э.Т.А. Серапионовы братья // Собр. соч. в 6 т. Т. 4.
19. Федоров Ф.П. Типы искусства, существовавшие в 1800–1830-е годы // Золова арфа: Русская романтическая лирика. Даугавпилс, 1994.
20. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
21. Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. М., 1999.

Н.А. Сребрянская

НАРРАТИВНЫЙ ДЕЙКСИС И ЕГО КОРРЕЛЯЦИЯ С КАТЕГОРИЯМИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Воронежский государственный педагогический университет

Дейксис как универсальное языковое явление проявляется во всех единицах языка. Весьма большое количество языковых универсалий в этой сфере делает перспективным его исследование: результаты могут быть применимы к разным языкам.

Дейксис в лексике и грамматике получил достаточно серьезное освещение [1, 2]. Представляются многообещающими исследования дейксиса в языковых единицах других уровней – в морфемах и тексте. Наличие и функционирование дейксиса в морфемах не вызывает сомнения. Уверенность в том, что дейксис может быть реализован на морфологическом уровне, основана прежде всего на специфике морфологического строя языков. Проведенные исследования морфологических единиц подтвердили возможность реализации дейксиса посредством деривационных морфем, их важную роль в формировании генерализованных пресуппозиций в тексте [3–5].

Функционирование дейксиса в тексте исследовано недостаточно, учитывая многосторонность явления. Текст, включающий все более мелкие единицы, содержит и дейксис этих единиц вместе с их семантикой и функциями. Дейксис морфем, слов и предложений, входя в текст, по-своему работает в нем. Но это не просто сумма дейктических особенностей и функций более мелких единиц. Текст, особенно художественный текст (ХТ), настолько многогранен, что дейксис, переходя в более сложную единицу языка на более высокий языковой уровень, проецируется на многие характеристики и категории текста и тем самым участвует в текстообразовании.

Идея о дейксисе в тексте не нова. Ч. Филмор, С. Левинсон, Д. Лайонз выделяли *дискурсивный*,

или текстовый дейксис (discourse deixis) как одну из пяти категорий дейксиса; другие категории – лица, места, времени и социальный дейксис (см., напр., [6, 70–71]). Дискурсивный дейксис связан с формальными элементами текста – лексическими или грамматическими, которые отсылают к какой-либо части текста: например, выражения «выше», «ниже», «далее», «в предыдущем Х», «в следующем Х» и т.д. Этот дейксис связан со структурой текста в целом.

Следует сразу сделать оговорку, что дискурсивный и нарративный виды дейксиса – суть разные явления. В данной статье дискурсивный, или текстовый дейксис, который имел в виду Ч. Филмор, не рассматривается. В центре внимания статьи находится дейксис художественного повествования, связанный с созданием пространственно-временной рамки произведения, оценкой событий и персонажей с точки зрения наблюдателя, который имеет определенную позицию во времени и пространстве. Это «вторичный дейксис, называемый также *нарративным*, или дейктической проекцией. Он не связан непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа, в том числе художественного повествования. Его конституирующим свойством является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета» [1, с. 7]. Нарративный дейксис является неотъемлемой частью художественного текста и значим в текстообразовании.

Важно сразу развести понятия *дискурсивный дейксис*, *или текстовый*, и *нарративный*. Термины «дискурсивный» и «текстовый дейксис» зачастую употребляются как синонимы, хотя дискурс и текст синонимами не являются. Дискурсивный дейксис

связан с планированием и соотношением частей текста. Нарративный дейксис, или дейктические проекции, связан с воображаемым миром, художественным текстом. Это вторичный дейксис.

Нарративный дейксис реализуется в художественном тексте через ряд характерных особенностей, называемых «дейктические проекции». Дейксис проецируется на ХТ через универсальные смыслы *человек, пространство, время*; через точку зрения наблюдателя, имеющего определенную позицию в пространстве и во времени; через оппозицию *близко – далеко* по отношению к тексту со стороны наблюдателя; через сфокусированное значение антропоцентризма в тексте, через участие в создании хронотопа и пр. Будучи связанными со структурными и содержательными параметрами текста, дейктические проекции участвуют в формировании синтагматики и парадигматики художественного текста.

Роль нарративного дейксиса в текстообразовании настолько велика, что он оказался тесно связан практически со всеми категориями текста. «Все категории текста, обязательные и факультативные, переплетены и взаимообусловлены. Выделение какой-либо одной из них для целей исследования влечет за собой ее обособление, в результате которого яснее выступают онтологические и парадигматические характеристики данной категории» [7, с. 124]. Это «переплетение и взаимообусловленность» категорий текста позволяет предположить, что дейксис и его проекции в ХТ имеют статус если не категории текста, то его обязательного признака.

Корреляция дейктических проекций в ХТ со многими понятийными, языковыми и текстовыми категориями несомненна. Установление их связей в тексте поможет установить статус дейксиса и его проекций в ХТ и его роль в текстообразовании. Для удобства анализа связей дейктических проекций в ХТ в рамках данной статьи было принято следующее деление категорий, которые могут обязательно или факультативно присутствовать в ХТ. В любом тексте реализуются: 1) *общефилософские* и 2) *языковые* категории. Среди *текстовых* категорий выделяются: 3) *семантико-прагматические* и 4) *структурные*. Кроме того, в ХТ присутствуют и 5) *содержательные* категории, присущие только ХТ: персонаж, хронотоп, наблюдатель. Следует подчеркнуть условный характер подобного иерархического деления, принятого только в рамках данного исследования и не предлагаемого для исследований с другими целями.

«Каждая из этих категорий является рубрикой для более частных категорий, например, интерпретируемость, проявляющаяся как точность, ясность, глубина, экспликативность/импликативность» [8, с. 185], но в данном исследовании дальнейшее де-

ление на более частные категории считаем нецелесообразным. Также подчеркнем, что принятую нами иерархию категорий мы не стремимся противопоставить точке зрения И.Р. Гальперина и проведенной им грани между понятиями и категориями, между философией и лингвистикой, между понятийными и грамматическими категориями [7, с. 13]. Остановимся подробнее на рассмотрении данных понятий.

1. Прежде всего дейксис по определению связан с такими общефилософскими онтологическими категориями, как *человек, пространство, время*. «Дейксис – это название, данное тем аспектам языка, интерпретация которых зависит от ситуации высказывания: времени высказывания, времени до и после времени высказывания, местоположения говорящего во время высказывания и личности говорящего и аудитории» [9, с. 220]. Все другие определения дейксиса по сути сводятся к выделению участников речевой ситуации, времени и места ситуации общения. Эти параметры дейксиса – лицо, время и место – являются для него ключевыми. Их зачастую называют категориями дейксиса [9–12].

2. Философские категории являются базой для *языковых*. Дейксис и его проекции связаны с такими функционально-семантическими категориями, как *субъектность, темпоральность, аспектуальность, локативность*. Они находят выражение через разные языковые средства – единицы разных языковых уровней, содержащие дейктические семы. Так, поля темпоральности и аспектуальности формируются комплексом единиц, обязательно включающим дейктики: деривационные морфемы-дейктики с семами указания на лицо, место и время (*преднота сна, предзноб блаженства* – М. Цветаева, *догумбертовское детство, до-долоресовое былое, foreglimpsed, subteens, preadolescent, outlying cottage* – В. Набоков); лексические единицы (местоимения, местоименные наречия *здесь – там, сейчас – тогда*, глаголы движения и производные существительные *пришел – вышел – ушел, come – go, bring – take* и др.), а также грамматические категории времени, вида и др.

Дейксис и его проекции тесно связаны с понятийной и грамматической категорией *определенности/неопределенности*. Определенность является результатом дейктической референции (включая анафорическую). Референция обладает свойством определенности, которая связана не только с ситуацией общения, но и текстом. Кванторная референция, в отличие от дейктической, обладает свойством неопределенности. По мнению Т.В. Милевской, решающим фактором идентификации предмета речи в аспекте определенности или неопределенности является включение в механизм референции контекстуальной информации. Рефе-

ренты вводятся в текст посредством категории определенности/неопределенности. В местоименной референции как основе для формирования категории определенности/неопределенности автор отмечает прототипичность местоимений в отношении этой не только функционально-грамматической, но и логико-понятийной категории. «Применительно к индоевропейским языкам эта языковая универсалия приобрела средства своего выражения при опоре на местоименный дейксис» [13, с. 180–181].

ХТ в этом отношении представляет собой идеальный контекст, позволяющий снять неопределенность.

Важным условием для текстообразования является авторская *модальность*, которая очень тесно связана с дейктическими проекциями. Она объединяет весь текст в одно единое целое. Модальность на уровне предложения определяется обычно как отношение говорящего к содержанию высказывания или к действительности. Модальность текста – «это выражение автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю» [14, с. 97]. В результате текст отражает мир, увиденный глазами автора.

3. Через категории модальности и определенности/неопределенности дейксис и его проекции в ХТ коррелируют с текстовыми *семантико-прагматическими* категориями, включающими парадигматические характеристики: адресативностью, информативностью, интенциональностью, интерпретируемостью, интертекстуальной ориентацией, автором и др.

Категория определенности/неопределенности непосредственно соотносится с «*референциальным статусом*» (термин А.Г. Баранова) текста. Все художественные «возможные миры» в большей или меньшей степени соотнесены с действительностью, и «без этой соотнесенности они теряют сходство с реальностью». Решающую роль играет пространственно-временная локализация событий. Наиболее точная локализация позволяет достигнуть максимального ощущения реальности, обеспечивая весьма высокий референциальный статус ХТ.

Категории авторской модальности и определенности/неопределенности, связанные с дейктическими проекциями, имеют выход в одну из составляющих ХТ – *реальность* действия. Реципиентом реальности/нереальности является *читатель*. Для него все отношения в ХТ – пространственные, временные и смысловые – и уплотнение мира вокруг человека создают «эстетическую реальность» текста [15, с. 206]. Реальность текста замыкается на читателе и его понимании текста. На другом конце коммуникации через текст стоит *автор*. Он является необходимой точкой отсчета в повествовании,

реализуя модальность текста, его определенность и реальность действия. И автор, и читатель пропускают содержание текста через свою ментальность. Текст субъективирован и автором, и читателем. Текст T_1 на входе максимально приближается к тексту T_2 на выходе, если пространственно-временная локализация автора и реципиента близки. Если их локализации во времени и пространстве далеки друг от друга, то понимание текста реципиентом может отличаться от авторского замысла. Дейктические параметры локализации во времени и пространстве, оппозиция «близко – далеко» и позиция наблюдателя по отношению к ХТ имеют решающее значение для понимания текста.

Кроме того, модальность и определенность пространственно-временных координат для ХТ является «важнейшим признаком», для реализации которого требуется неподвижная точка отсчета – стабильно локализованный в структуре текста повествователь. Фигура повествователя проецируется в текст и актуализируется через содержательную *категорию автора* ХТ. Автор является необходимой точкой отсчета в повествовании, реализуя модальность текста, его определенность и реальность действия. «Формирование системы вторичного дейксиса есть не что иное, как превращение материально обозначенного повествователя в «нуль» повествователя. Но этот нуль вполне справляется с функцией стабильной точки отсчета» [16, с. 267–268].

Авторский замысел и пространственно-временная локализованность событий адресованы определенному кругу читателей, имеющих свое местоположение в пространстве и во времени. Автор создает текст с учетом типа адресата. В этом выражается *адресативность* текста. Пространственно-временная локализация события и читательская локализация могут не совпадать и иметь большую разницу. Это может привести к непониманию текста.

Разное восприятие художественного мира наблюдателем в разных точках пространства и времени может привести к различной интерпретации текста. *Интерпретируемость* – еще одно базовое свойство ХТ, связанное с категориями автора, читателя или наблюдателя, а также персонажа; и как следствие – с нарративным дейксисом. При этом интерпретация во многом будет зависеть от того, на кого направлен текст. Интерпретируемость и адресативность – две стороны одного процесса. Таким образом, содержательные категории автора, читателя, наблюдателя, персонажа, интерпретируемости и адресативности в ХТ сведены в один пучок.

Важной структурной категорией текста является *интеграция*. Она может быть представлена как оппозиция категории членности, т.к. «это объединение всех частей текста в целях достижения его целостности». Но, по мнению И.Р. Гальперина, ин-

теграция может строиться на ассоциативных и пресуппозиционных отношениях. Это категория «скорее психологического плана». Ее «можно представить себе как парадигматический процесс» [7, с. 125]. Даже мельчайшие дейктические единицы – морфемы – участвуют в формировании генерализованных пресуппозиций в тексте. Путем объединения универсальных смыслов *лица, пространства и времени* различных языковых единиц, путем объединения их в одну единую структуру – текст – осуществляется интеграция текста.

Завершенность обеспечивается «функцией замысла, положенного в основу произведения. Когда, по мнению автора, желаемый результат достигнут самим поступательным движением темы, ее развертыванием, – текст завершен» [7, с. 131]. Кроме того, завершенность обеспечивается заголовком, который несет в себе раскрытие темы, которая может определить все построение рассказа. В 80 % текстов заголовков представляет собой указание на лицо, место или время повествования [17]. Он может быть выражен дейктиками или именами собственными, которые по своим семантическим и функциональным характеристикам смежны с дейктиками.

Категория завершенности имеет непосредственный выход на дейктические проекции. «Текст ограничен во времени и пространстве. Он представляет собой снятый момент и в этой ‘снятости’ является завершенным» [7]. Личностно-пространственно-временные координаты, введенные в начале повествования, создают пространственно-временную рамку, ограничивающую текст во времени и пространстве. Эта рамка обеспечивает не только связность и цельность текста, но и его парадигматическую характеристику – завершенность. Рамка, начало и завершенность (не конец) – взаимосвязанные категории ХТ. Одно не существует без другого.

4. Дейксис и его проекции принимают активное участие в формировании *структуры* произведения. Заголовок, начало, пространственно-временная рамка формируются при участии ДП. Они обеспечивают структурную и семантическую цельность текста. В то же время членение ХТ на книги, части, главы осуществляется также при участии дейктических проекций. Таким образом, *структурные категории цельности и членимости* не только связаны с дейктическими проекциями, но и частично обеспечиваются ими.

5. Важнейшими *содержательными* категориями ХТ являются *персонаж* и *хронотоп*. Дейктическая определенность предоставляет читателю возможность составить непротиворечивую картину изображаемого «возможного мира», «ему предоставляется равная возможность проникать вместе с автором в любую точку художественного пространства-времени; хронотоп не имеет закрытых для читателя

зон» [16, с. 269]. Общефилософские категории человека, пространства, времени и языковые категории субъектности, локативности, темпоральности и модальности актуализируются в категории хронотопа. М.Я. Дымарский, выделивший дейктический модус текста как текстовую функционально-семантическую категорию, определяет ее через значения определенности/неопределенности всех содержащихся в тексте элементов *субъектной и хронотопической* семантики [16, с. 268].

Функциональная значимость и близость категорий автора и читателя приводит к «дейктическому паритету». Этот паритет оказывается возможным во многом благодаря тому, что и *автор*, и *читатель* воспринимают художественный мир глазами *персонажа*. Это позволяет объединить их в одну категорию – *наблюдатель*, предлагаемую в целях исследования роли дейктических проекций в текстообразовании, а также и в восприятии ХТ при различных позициях наблюдателя в пространстве и во времени. Именно наблюдатель, находящийся на определенном расстоянии – далеко или близко – от описываемого события, производит оценку образов, событий и текста в целом. «Элементы субъектной и хронотопической семантики», т.е. *наблюдатель*, который может быть автором, персонажем, читателем, а также хронотоп и их связь с дейксисом и его проекциями играют ключевую роль в понимании ХТ.

Определяя корреляцию дейктических проекций с категориями ХТ, необходимо отметить пересечение некоторых категорий текста и категорий дейксиса с принципами прозы XX в., выделенными В.П. Рудневым [18]. Так, категория *наблюдателя*, определяемая как одна из ключевых категорий дейксиса, является также одним из принципов прозы. Роль наблюдателя опосредована ролью рассказчика. В данной статье предлагается расширить роль наблюдателя и включить в нее роли читателя и персонажей, глазами которых воспринимается вымышленный мир и в конечном счете формируется текст T_2 в результате процесса восприятия ХТ. Именно на наблюдателя возлагает В.П. Руднев ответственность за правдивость изложения. *Иллюзия/реальность* является другим важным принципом прозы. Баланс этих двух составляющих, полагаем, может стать характерной особенностью прозы разных эпох. Этот принцип если и не является одной из категорий дейксиса, то тесно связан с ним в тексте. Немаловажным является принцип *прагматики*, а не *семантики* в тексте. Литература активно вовлекается в диалог с читателем, моделирует его позицию и создает позицию рассказчика, который учитывает позицию читателя. Несмотря на то, что В.П. Руднев акцентирует внимание на принципах прозы XX в., они применимы в значительной сте-

пени и к литературе XIX в. Среди принципов отмечается *нарушение связности текста*. Поскольку дейксис и его проекции многими средствами (анафорические связи, заголовок, содержащий указание на лица, место и время события в тексте, пространственно-временная рамка ХТ, генерализованные пресуппозиции деривационными морфологическими средствами и др.) способны обеспечивать связность текста, то этот принцип также является связанным с действительными проекциями.

Таким образом, дейксис и его проекции соотносятся практически со всеми категориями ХТ. Это говорит о том, что нарративный дейксис не случайный компонент текста, а важный фактор в текстообразовании. Связь со всеми категориями ХТ позволяет предположить, что нарративный дейксис имеет категориальный статус в тексте. Тем не менее, мы воздержимся от того, чтобы квалифицировать нарративный дейксис как категорию текста. Это не позволяет сделать прежде всего то, что нарративный дейксис присущ не всем типам текста, а только художественному.

Кроме того, термины «категория текста» и «признак текста, свойство текста» зачастую употребляются как синонимы. Категории текста – это его признаки, по мнению И.Р. Гальперина. Произведе-

ние в целом, как и его части, обладают рядом признаков-категорий, которые во взаимоотношенности и создают текст [19, с. 524]. А.Н. Мороховский предпочитает термин «признак» термину «категория», подразумевая «разные частные (обязательные и факультативные) признаки» [20, с. 5]; Н.С. Валгина – термин «характеристики» и «критерии» [14, с. 249]; Л.Н. Мурзин – «свойства текста» [21, с. 46]; О.П. Воробьева – термин «категория», делая поправку на то, что речь идет о категориальных признаках текста [22, с. 25].

Параллельное использование терминов «категория» и «признак» текста вполне обосновано. В БЭС «категория» определяется через слово «признак»: «Категория языковая – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании к-л. общего свойства: в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [23, с. 215].

В связи с этим постановка вопроса о статусе нарративного дейксиса в тексте вряд ли имеет смысл. Это и признак, и свойство, и, как следствие, категория.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
2. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.
3. Сребрянская Н.А. Дейксис в единицах языка: Монография. Воронеж, 2003 [а].
4. Сребрянская Н.А. Дейксис времени в деривационных морфемах // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 6. Н. Новгород, 2003 [б].
5. Сребрянская Н.А. Дейксис лица в деривационных морфемах // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов, 2004.
6. Fillmore C.J. Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington; Indiana Univ. Linguistics Club, 1975.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
8. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Сб. науч. тр. / ВГПУ, СГУ. Волгоград, 1998.
9. Fillmore Ch. Deictic Categories in the Semantics of «Come» // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. Vol. 2, N. 3. N.Y., 1966.
10. Кравченко А.В. Принципы теории указательности: Авт. ... док. дис. М., 1995.
11. Green K. Deixis: A Reevaluation of Concepts and Categories // New Essays in Deixis. Discourse, Narrative, Literature. Ed. by Keith Green. Amsterdam – Atlanta, GA 1995.
12. Grenoble Leonore A. Deixis and Information Packaging in Russian Discourse. Amsterdam – Philadelphia, 1998.
13. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты). Моногр. Ростов н/Д, 2003.
14. Валгина Н.С. Теория текста: Учеб. пос. М., 2003.
15. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000[б].
16. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX вв. М., 2001.
17. Сребрянская Н.А. Имена собственные как культурологические знаки в художественном тексте // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения. Волгоград, 2003 [в].
18. Руднев В.П. Словарь культуры XX в. М., 1997.
19. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Изв. АН СССР. Сер.: Лит. и яз. Т. 36. № 6. М., 1977.

20. Мороховский А.Н. К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальные признаки. Киев, 1989.
21. Мурзин Л.Н. О динамических законах текста // Текст как объект лингвистического и психолого-педагогического исследования. Тезисы докладов науч.-теор. конф. Пермь, 1982.
22. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата: Моногр. Киев, 1993.
23. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998.

О.Г. Щитова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ В ТЕКСТЕ

Томский государственный педагогический университет

Займствование – одна из давних, традиционных тем лингвистических исследований. Литература, посвященная лексическому займствованию, насчитывает многие сотни наименований. И тем не менее эта тема не утрачивает своей актуальности, поскольку на современном этапе развития русский язык особенно интенсивно пополняется новыми словами иноязычного происхождения, которые нуждаются в изучении. Расширяются аспекты анализа займствований. В лингвистике последних лет все более возрастает интерес к функционированию языковых знаков и языковой системы. Изучение системы в функционировании неизбежно ведет к расширению объекта исследования за счет включения в него целей общения, специфических условий, в которых языковая система функционирует. Отмечается усиление внимания исследователей к коммуникативно-прагматическому аспекту семантики – к тем ее областям, в которых находят свое проявление результаты действия «человеческого фактора» в языке, обнаруживается позиция человека говорящего.

Становясь элементом художественной речи, займствованная лексическая единица не остается неизменной по сравнению с узусом: под воздействием разнообразных факторов в системе эстетически организованного целого обогащается ее смысловая структура, преобразуется эмоционально-оценочная окраска, расширяются экспрессивные возможности. Экспрессивность в широком смысле термина понимается как выразительность, выражение мыслей и чувств, сопровождаемое эмоциями, характерное для каждого типа текстовой деятельности, обладающего вариативным потенциалом передачи одного и того же объективного смысла, окрашенного эмоциональным переживанием [1, с. 119]. Экспрессивность текста усиливает его воздействие на адресата, затрагивая сферу чувств и переживаний; придает тексту выразительность за счет взаимодействия в содержательной стороне иноязычного слова оценочного и эмоционального отношения говорящего к тому, что происходит во внешнем или внутреннем мире. Обратим внимание на семанти-

ческие механизмы создания экспрессивности текста при помощи иноязычных средств.

Средства и способы создания экспрессивности текста при помощи единиц иноязычного происхождения могут быть различными: употребление экспрессивно маркированных ксенолексем (в этом случае экспрессивный компонент семантики займствованного слова является узуальным, отмеченным в справочной лингвистической литературе, сохраняясь в тексте и выражая субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи); приобретение коннотации узуально нейтральными единицами (субъективность коннотации займствований, которые в обычном употреблении являются стилистически нейтральными, особенно ярко проявляется в том, что одна и та же ксенолексема может иметь различную оценочно-эмоциональную окраску в разных микротекстах). Остановимся на некоторых других особенностях функционирования иноязычных средств в тексте.

Функционирование иноязычных слов в качестве семантических окказионализмов.

Переносные значения могут быть узуальными, то есть закрепившимися в языке, и окказиональными, индивидуально-авторскими, встречающимися только в текстах данного автора. Переносные значения займствований, зафиксированные в словарях, могут быть как стилистически окрашенными, так и стилистически нейтральными. Окказиональное переносное значение иноязычной лексемы всегда привносит в текст экспрессию или образность.

Окказиональная метафора может быть основана на внутреннем сходстве двух предметов. «Паниковский и Балаганов ... сегодня же к вечеру обыщут Корейко. ...После нескольких часов уличного дежурства объявились наконец все необходимые данные: покров ночной темноты и сам **пациент**, вышедший с девушкой из дома...» [2, с. 100]. Галлицизм *пациент* (< фр. patient ‘больной’) в обычном словоупотреблении имеет значение ‘больной, лечащийся у врача’ [3, III, с. 305], то есть называет объект лечения и наблюдения. В данном тексте Корей-